

Геомар
Куликов

У Дона
Великого
на берегу

Издательство «Детская литература»

Геомар Куликов
У Дона Великого на берегу

Издательство «Детская литература»

1980

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-311

Куликов Г. Г.

У Дона Великого на берегу / Г. Г. Куликов — Издательство
«Детская литература», 1980

ISBN 978-5-08-004716-9

В исторической повести «У Дона Великого на берегу» рассказывается о подготовке к Куликовской битве и на Руси, и в Золотой Орде и о сражении на Куликовом поле 8 сентября 1380 года между русской ратью и монголо-татарским войском, которое закончилось победой русских воинов. В битве погибло очень много защитников Отечества, но победа показала превосходство русских над монголо-татарами. Это было важнейшее событие для исторической судьбы Русского государства. Центральное место в книге занимает образ великого князя московского Дмитрия Ивановича – патриота, мудрого государственного деятеля, собравшего в период княжеской междоусобицы на Руси большое войско и ставшего в сражении рядом с воинами ополчения. Автор рисует также образы его замечательных сподвижников – князей и бояр. Прошло 630 лет со дня битвы за свободу Руси, но подвиг русских людей, наших предков, никогда не забудем мы, их потомки. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-311

ISBN 978-5-08-004716-9

© Куликов Г. Г., 1980
© Издательство «Детская
литература», 1980

Содержание

Великая судьбоносная победа русского народа	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3.	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Геомар Куликов У Дона Великого на берегу

Издание осуществлено при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Предисловие и примечания
Н. С. Ивановой

Великая судьбоносная победа русского народа

Шестьсот тридцать лет назад, 8 сентября 1380 года, в верховьях Дона, на Куликовом поле, русская рать под предводительством великого князя московского Дмитрия Ивановича победила войско хана Мамаю, правителя Золотой Орды. Это была историческая победа русского народа, открывшая путь к созданию Русского государства.

В начале XIII века из далеких монгольских степей великий полководец Чингисхан отправил свои полчища на завоевание Восточной Сибири, Китая, Средней Азии, Кавказа и Причерноморья. В 1223 году на реке Калке войска немногих русских князей совместно с кочевниками-половцами приняли неравный бой с монголо-татарами и были разбиты. В 1235 году монгольская знать приняла решение о походе на Русь и далее, в Европу.

Киевская Русь представляла собой в то время множество раздробленных княжеств. Русские князья не столько готовились к обороне, сколько враждовали и соперничали за власть в княжествах. Князья не поняли страшной грядущей опасности, поэтому не договорились о создании объединенного русского войска.

Сначала монголо-татары, после осады 21 декабря 1237 года, захватили Рязань, где погибли все жители и воины во главе с князем Юрием, а потом – Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Тверь. Взяв после осады Торжок, монголо-татары хотели захватить Новгород, но весенняя распутица и разливы рек не дали возможности пройти их коннице. Только за зиму 1238 года кочевники разрушили 30 русских городов. Жителей почти поголовно убивали, а оставшихся уводили в рабство.

Но нигде и никогда завоеватели не встречались с таким сопротивлением, отвагой и мужеством народа, как на Руси! Весной 1238 года огромное войско Батые в течение семи недель не могло взять маленький город Козельск. Ханские воины назвали его «злым городом». С 5 сентября до 19 ноября – два с половиной месяца! – осаждали враги Киев. После осады город был взят и сожжен, а все жители убиты. Выдающийся русский историк XIX века А. И. Костомаров писал, что при нашествии Орды на Русь «не сдался ни один город, ни один князь на милость победителя».

На Русь опустилась ночь чужеземного господства. Русские князья должны были ехать в Золотую Орду, чтобы получить ярлык (ханскую грамоту) на княжение. Многие князья побывали там, да не все вернулись: непокорных монгольские ханы убивали или травили ядами. Так погибли князья: Михаил черниговский, Василий рязанский, Александр тверской и его сын Федор и другие. Александр Невский умер по дороге из Орды в Новгород после того, как хан удерживал его там несколько месяцев.

Почти до самой Куликовской битвы русский народ ежегодно платил монголо-татарам дань (так называемую хараджу) с каждого дома в городе и хозяйства в деревне, а кроме того, еще 14 видов «ордынских тягостей» – налогов. Главными были: «царева дань» для монгольского хана, торговые сборы («мыт», «тамка»), извозные повинности («ям», «подводы»). Кроме того, русские князья были обязаны по приказу хана присылать воинов для участия в походах и в облавных охотах («ловитвах»). Это были непосильные тяготы для русского народа, они истощали экономику Руси.

Конечно, русские люди не могли терпеть такие унижения и часто восставали. И каждый раз ордынцы жестоко, огнем и мечом, подавляли восстания. Убийства, угон в рабство, гибель городов и деревень в огне были результатом этих страшных набегов. Только в 70—90-х годах XIII века монголо-татары совершили 14 походов на Русь.

В течение нескольких десятилетий XIII века дань собирали ордынские баскаки, которые составили перепись русского населения. В результате народных восстаний баскаков изгнали,

но только к концу XIII века ханы отдали сбор налогов русским князьям, по их просьбе, чтобы избежать бессмысленного кровопролития.

Тем не менее, несмотря на монголо-татарский гнет, Русь восстанавливалась, крепла, набирала силы. В длительной борьбе между Москвой и Тверью победила Москва. Больших успехов добился московский князь Иван Калита. Он получил ярлык на сбор дани на Руси, но не всю ее отдавал в Орду и поэтому смог накопить много денег для Московского княжества. Иван Калита постепенно собирал под своим главенством разоренные русские земли. Внук Ивана Калиты, великий князь московский Дмитрий Иванович, одержал первую военную победу над Золотой Ордой в 1378 году на реке Воже.

Монголо-татары любой ценой решили вернуть былую власть над Русью, и хан Мамай к осени 1380 года собрал огромное войско для похода на Русь. В нем также были семь тысяч наемников-генуэзцев, литовские воины и другие.

Князь Дмитрий обратился к русским князьям с призывом к объединению ратей для отпора врагу. Многие откликнулись, но, правда, не все: не пришли князья рязанский, тверской, новгородский и некоторые другие. Однако часть бояр и простой народ этих княжеств участвовали в битве. Дмитрию Ивановичу удалось собрать такое многочисленное войско, какого еще не было на Руси. И состоялась страшная сеча 8 сентября 1380 года. И покрыли себя вечной славой наши предки!

В этой книге Куликовскую битву и подготовку к ней захватывающе интересно описал Геомар Георгиевич Куликов. Ему удалось создать замечательные образы русских патриотов – и простых воинов, и князей. Писатель детально изучил русские летописи и литературные произведения об этом сражении XIV–XV веков.

Однако не сразу Русь освободилась от ордынцев. В XV веке были и поход хана Тохтамыша, и взятие и сожжение им Москвы в 1382 году, и семь опустошительных походов, но восстановить власть над Русью Золотая Орда уже не могла. В 1476 году великий князь московский Иван III отказался выплачивать дань Орде. Хан Ахмат в 1480 году предпринял поход на Москву, но перейти реку Угру так и не решился. Войска стояли по берегам реки. Монголо-татары стреляли из луков, но стрелы не долетали до другого берега. А у русских было самое современное по тем временам огнестрельное оружие – пищали. Русские воины расстреливали противника с далеких позиций. В истории России это противостояние получило название «стояние на Угре».

Путь к образованию Русского государства открыла победа на Куликовом поле. Великие князья московские Василий I (1371–1425), Василий II Темный (1425–1462), Иван III Васильевич (1462–1505) продолжили объединение русских земель вокруг Москвы. Иван III стал уже именоваться «великим князем всея Руси».

Монголо-татарское иго продолжалось 240 лет и имело тяжелые отрицательные последствия для экономики, политики и культурного развития русских земель, стало тормозом для роста производительных сил Руси. Оно привело к усилению феодальной эксплуатации русского народа, который оказался под двойным гнетом – своих и чужеземных феодалов. Монголо-татарское иго явилось одной из главных причин отставания Руси в последующие века от некоторых западноевропейских стран.

* * *

О страшном для Руси монголо-татарском иге, о Куликовской битве в XIV–XV веках было создано много исторических повестей. Древнерусские писатели отображали в своих произведениях события завоевания Руси монголо-татарами. Это и «Повести о Калкской битве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Китежская легенда», рассказы о Щелкановщине, о нашествии на Москву Тамерлана, Тохтамыша. Много литературных произведений было посвя-

щено Куликовской битве: «Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Слово о житии Дмитрия Донского», «Сказание о Мамаевом побоище» и другие. Эта бесценная литература имела огромное значение для роста русского национального самосознания, для духовного развития освободившегося народа и предопределила создание Русского государства.

Н. С. Иванова

На Москве кони ржут,
Звонит слава русская
по всей земле Русской.
Трубы трубят в Коломне,
в бубны бьют у Дона
Великого на берегу.
Слово **Софония Рязанца** –
„Задонщина“

Глава 1 На русские хлеба

Всадник едет по степи. Ветер бьет ему в лицо. Дергает подоткнутые полы старого халата. Норовит сорвать засаленную войлочную шапку-колпак. Где-то позади, в далекой дали, за зубчатыми горными хребтами, плещется, играет теплое, ласковое море.

Русское море*¹.

Впереди – также отсюда незримые – лежат обширные плодородные земли, с густыми лесами, тучными полями, сочными лугами.

Русские земли.

А вокруг раскинулась-распласталась степь. Голая, пустынная. Побуревшая под знойным солнцем. Когда-то и тут селились русы. Но однажды накатились черной лавиной орды Чингисханова* внука, хана Батгя*, и обезлюдели степи. Словно вымерли.

Редкие каменные истуканы – память о некогда живших здесь, а ныне забытых народах – провожают всадника мертвыми, пустыми глазами. Просвистит возле своей норы осторожный суслик. Польшнет рыжим пламенем в сухой траве лисица в погоне за мышкой. Тяжело поднимется степенная дрофа. Вот и всё.

Ровной иноходью бежит мохноногая крепкая лошадка. Мягко постукивают о землю неподкованные копыта.

Бесстрастно-темное, обожженное солнцем, загорбевшее на ветрах, скуластое лицо всадника – ордынского пастуха-воина Тангула.

Далеко отсюда находятся земли его предков. Ох как далеко! Месяцы изнурительного пути на восток нужны, чтобы добраться до них. Однако еще дед Тангула помнил родные места. Слабым, дребезжащим голосом рассказывал о голубом Керулене* – реке своего детства, высоком синем небе, горбатых, словно верблюжьих спины, далях. И старческие слезы струились по глубоким морщинам.

Голубой Керулен! По-прежнему ли чисты и звонки твои воды? Помнишь ли тех, кто селился по твоим берегам? Знаешь ли, где теперь кочуют их правнуки, далекую чужбину называя своей землей?

Усмехается Тангул.

Его, как и все воинство, всех людей Золотой Орды, русы называют татарами*. Неведомо им, что у великого божественного Чингисхана, основателя огромной империи и покорителя бесчисленных народов, среди соплеменников-монголов не было врагов злее этого племени. Неис-

¹ Объяснение слов и выражений, помеченных в тексте «звездочкой», см. в примечаниях на с. 199–206. – *Ред.*

числимое множество их было истреблено по его приказу. И надо же! Русы – и не они одни – всех воинов, вылетевших из гнезда повелителя вселенной, зовут бессмысленно татарами, равно как и многие тысячи иных, кто волей или неволей присоединился к ним.

Презрением исполняется всадник в рваном халате, перехваченном старым линиялым кушаком, цвет которого, пожалуй, не угадать и самому хозяину.

Пусть называют как хотят! Лишь бы боялись, трепетали от страха при виде ордынского воина!

Злобно грызутся между собой правители. Оттого дробятся силы степного воинства. Но теперь власть, похоже, попала к верному человеку, военачальнику Мамаю*. Все земли справа от реки Итиль, или, как ее называют русы, Волги, у него под рукой. Кто знает, быть может, именно ему суждено возродить былое могущество Золотой Орды?

Словно влитой сидит в седле Тангул. К коню привык с детства.

Одно скверно: лошадь чужая и седло не свое – принадлежат Алтанбеку, вельможе все- сильного Мамаю.

Волка, по пословице, кормят ноги. Воина – храбрость и удача. Храбрости не занимать Тангулу. А вот удача – вроде той лисицы-огнёвки – мелькнет-поманит и скроется. Ищи ветра в поле!

Много раз ходил Тангул на русов. Да все без большого для себя проку.

Только на Пьяне-реке* три года назад, когда водил их на русские земли стремительный и хитрый царевич Араб-шах, улыбнулось Тангулу счастье. Захватил богатую добычу: трех кровных скакунов, осыпанную драгоценными камнями саблю и золоченые доспехи со шлемом. Стал после Пьяны десятником. Хоть и самым малым, а начальником. Был то не бой, а, скорее, побоище. Русских, обманутых местными князьками, застигли врасплох. Что из того? Может, славы и меньше. Зато добычи больше. И досталась дешево.

Но тем Тангулова удача, заманно сверкнув золотом и серебром, изошла, кончилась.

В позапрошлом году пошел на Русь, по Мамаеву повелению, мурза* Бегич. Рвались вперед ордынцы, предвкушая богатую поживу. И просчитались. Ожглись шишко. Московский великий князь Дмитрий Иванович выдвинул свои войска в Рязанскую землю, на реку Вожу*. И столь знатно встретил незваных гостей, что откатились они, бежали в великой панике, побросав свое добро. На реке Воже потерял Тангул все, чем поживился на Пьяне. Рад был, что сам цел остался. Мурзе Бегичу и многим иным так не посчастливилось. Устлали своими костями Русскую землю. Остались в ней навеки. Так-то!

Одного руса тогда зарубил Тангул. Не силой или ловкостью взял – хитростью. Кинулось отступать Бегичево воинство. Тангул со всеми. Услышал краем уха: скачет за ним русский. Кинул быстрый взгляд. Увидел: смеется веселый белобрысый рус, саблей для острастки грозит. Видно, доволен, что обращены враги в бегство. Озлился Тангул, коня придержал и, внезапно обернувшись, сильным ударом рассек белобрысого от плеча до самого пояса. На всю жизнь запомнились Тангулу голубые изумленные глаза руса, никак не ожидавшего смерти, ведь он надумал пошадить вражеского воина. Да Тангул того не решал.

С гордостью, многословно рассказывал он об этом случае друзьям-приятелям. А сыну своему, Сеиду, назидательно добавлял:

– Чти отца своего! И учись!

– Может, после него остались дети... – укорила Тангула жена. – Сладко ли им?

– Аллах велик! – высокомерно изрек Тангул. – И с ними, глядишь, повстречаемся!

И, сами не ведая, оба оказались правы. Было у руса двое детей: сын Бориска и дочь Настя.

С Бориской и впрямь суждено было в недалеком будущем свидеться ордынскому воину Тангулу.

Теперь Тангул опять рядовой воин. А за бедностью – пастух у Мамаева вельможи Алтанбека.

Сегодня отводил красавца арабского скакуна – подарок своего хозяина – другому, еще более важному человеку, Бадык-оглану, царевичу из рода великого Чингисхана.

Старший табунщик придирчиво осмотрел коня. Сказал:

– Следуй за мной!

Спешились оба перед большим белым шатром царевича. От одного из приближенных, важного одноглазого старика монгола, получили короткий приказ:

– Ждите!

Сизый дымок вился над шатром. Щекотал-дразнил запахом вареной баранины, сдобренной тонкими иноземными пряностями. Туда-сюда шныряли проворные, верткие слуги, несли блюда с ароматными кушаньями. Тангул глотал слюну: не ел с самого утра. Да и разве сравнить его просяную похлебку с тем, что подавали Бадык-оглану?

Богато живет царевич! Хорошо живут мурзы, беки* и другие важные люди. Всего вдоволь: коней, верблюдов, овец, рабов. Ему бы, Тангулу, так!

Громкие голоса, смех доносились из шатра. Царевич обедал не один: принимал гостей. Старший табунщик, только что заносившийся перед Тангулом, сделался тише воды, ниже травы. Терпеливо вместе с Тангулом ждал, когда позовут.

Солнце склонилось к закату. Из шатра наконец вышел Бадык-оглан. Молодой, румяный. Росту невысокого. Коротконогий и безбородый. В груди широк. Глаза от выпитого кумыса* блестящие, хмельные. Шелковый, небесного цвета халат распахнут. Следом за царевичем толпой – гости.

Одноглазый придворный почтительно доложил о подарке.

Милостиво кивнул Бадык-оглан. Тонкой, униженной перстнями рукой небрежно потрепал коня по шее. Приказал что-то коротко и скрылся в шатре, сопровождаемый шумными гостями.

Коня увели. А Тангулу вынесли миску баранины. Малость остыла, но сочилась еще золотистым жиром и благоухала так, что сводило скулы.

Тангул знал порядок. Сказал приличествующие торжественные и высокие слова благодарности. Совершил положенную молитву. И лишь тогда принялся за еду.

Куски брал медленно. Жевал и глотал без спешки и жадности. Словом, вел себя так, как надлежало воину. Тангулу вынесли и чашку кумыса, которую он так же степенно, маленькими глотками осушил.

Сытый желудок – приятный спутник. Возвращаясь, весел был воин Тангул. И мысли его были значительны. Думая о богатом стане царевича, Тангул вспомнил старинную песню-сказание, слова, принадлежащие будто бы Борте-хатум, старшей жене Чингисхана:

Плохо ли иметь слишком много?

Хорошо ли иметь слишком мало?

И сам себе ответил: «Нет, совсем не плохо иметь слишком много, и, напротив, вовсе не хорошо иметь слишком мало!»

Над его одинокой юртой* тоже вился дымок. Но чуткие ноздри Тангула безошибочно определили: отнюдь не сочной и сладкой бараниной пахнет. Едким дымом кизяка, сухого верблюжьего навоза, встречает хозяина его жилище.

Сузились Тангуловы узкие глаза. Полоснули даль горячими тонкими лезвиями. Там, к северу от степей, живут медлительные, привязанные к своим домам, полям и огородам русы. В их жилищах, храмах-церквях сберегается бессчетное добро. Золото и серебро – пудами*. Самоцветных камней россыпи. Драгоценных узорчатых тканей сундуки. Приходи с острой саблей, метким луком, смертоносным копьем Тангул – все будет твоим! А искусные русские рабы сделают твою жизнь легкой и беззаботной!

Спрыгнул Тангул с лошади. Вошел, согнувшись у порога, в юрту. Пусто и убого в ней. Старые, ветхие кошмы* – все убранство. На огне – скудное варево, что затеяла жена.

Не удостоив ее словом, опустил на кошму. Принялся исподтишка, стараясь утаить свое необычное внимание, разглядывать жену. Тощая, сухая, словно щепка. Лицо длинное. Углы рта скорбно опущены. Сгорблена, точно старуха. Плюнул презрительно. Разве это достойная жена ордынского воина? С горечью подумал: и в сыне, что теперь вместо него пасет хозяйские табуны, уже нет и не будет исконных черт предков.

Правитель Орды – грозный и могущественный Мамай говорил еще весной: «Пусть ни один из вас не пашет, будьте готовы на русские хлеба!» Не пахать – было сказано так, к слову. Испокон веков монголы занимались разведением скота. Высокомерно относились к земледельцам: рабский, мол, труд. А вот про русские хлеба, похоже, говорилось всерьез. Поняли и влиятельные князья-мурзы, и иные богатые, власть имущие люди, и простые воины-пастухи – разгневан Мамай на русских. Хочет жестоко отомстить за поражение своего войска на реке Боже.

«Что ж, – думалось Тангулу, – когда русы исправно платят свою дань-выход, все достается ханам и их приближенным. Совсем другое – поход на русов. Тогда будь смел и удачлив – можешь в одночасье безмерно разбогатеть». Воин-пастух Тангул, как и все ордынские бедняки, почти нищие, надеялся в походе на чужие земли грабежом и разбоем переменить свою злосчастную судьбу.

Отменно потрудились ордынские большие и малые владыки, чтобы разжечь алчность и жестокость своих подданных. И преуспели в том.

Рвались монголо-татарские сотни, тысячи и тьмы* на чужие земли. Убивать, жечь, грабить. Хватать и тащить все, что попадется под руку, норовя ухватить кус поболее, но не брезгуя и малым. Охотиться на людей, точно на бессловесную степную или лесную живность. Пленные тоже добыча. И отличная! Их можно оставить у себя как работников-рабов. Или продать на рынках Кафы* и иных городов, где торговали рабами.

А поход, в который собирался вести Орду сам Мамай, обещал быть успешным и прибыльным. После Вожи все возможное и невозможное сделает Мамай, чтобы вернуть ускользающую власть над русскими. Так что берегитесь, русы! Не ждите ни милости, ни пощады! Заранее оплакивайте своих родных и близких! Загодя готовьтесь безропотно нести до конца дней своих рабское невольничье ярмо!

Тангул резко оттолкнул миску со скудной пищей, протянутую женой. Удивилась она чрезвычайно. Сколько помнила, никогда муж не отказывался от еды. Кабы знала женщина, сколь высоко воспарил Тангул в своих мечтах. Уже грезились ему тяжелые золотые кубки, серебряные чаши, кровные кони, покорные рабы.

– Скорее бы! – произнес вслух.

Жена молча ждала, что последует далее. В наступившей тишине оба услышали приближающийся дробный конский топот. Кто-то спешил к бедной юрте.

У жилища топот оборвался. Раздался крик:

– Эй, Тангул, выходи!

Тангул узнал голос. Выскочил из юрты. На взмыленном коне скалил в задорной улыбке зубы Абдурахман, его приятель. Такой же пастух мурзы Алтанбека и такой же его воин.

– Добрые вести, Тангул!

От лихости и возбуждения Абдурахман поднял коня свечкой.

– Доблестный правитель наш, высокородный и могущественный, повелел сниматься. Идем на русов!

Видно, были то слова, которые следовало возгласить Абдурахману, разносящему военный приказ. Сказав их, еще шире заулыбался Абдурахман и прибавил:

– Давай спорить, Тангул, кто полонит больше русов? А? На половину полона. Твоя возьмет – я отдам половину своих. Выиграю – твоя половина плакала. А?!

Абдурахман, конечно, шутил. И он прекрасно знал: не очередной набег впереди, а один из великих походов Золотой Орды на народ, выходящий из повиновения. Поход, о котором будут потом слагаться песни и сказания, который принесет славу и богатство его участникам. Вот какой это будет поход! И Абдурахман предвкушал знатную добычу, что достанется ему, молодому смелому воину. Оттого заливался счастливым смехом.

Приятель еще весело поддразнивал друга, когда услышал позади всхлипывания. Обернулись разом. У входа в юрту стояла жена Тангула и плакала. Тангул сдвинул брови. Виданное ли дело – жена правоверного мусульманина и воина плачет на людях?! И это в пору, когда надо радоваться, славить всемиростивого и всемогущего Аллаха и доблестного мудрого правителя Мамайя, ниспосланного Небом для укрепления силы и величия Золотой Орды!

– Женщина! – произнес угрожающе Тангул. – В уме ли ты?

– Зачем?.. – Жена глядела на Тангула с ненавистью и страхом. – Зачем вы не такие, как многие, не пашете землю, не живете мирно?..

Она не успела закончить.

Взвизгнул Тангул, выхватил из рук приятеля плетень и принялся остервенело хлестать жену.

– Я тебя проучу, чужеземка проклятая!

И, пнув уже поверженную на землю жену, точно извиняясь, сказал Абдурахману:

– Выгоню, как паршивую собаку!

На что Абдурахман благодушно отозвался:

– Не горюй, Тангул. У нас все впереди. И скоро. Шибко скоро!

И, поворотив коня, умчался передавать важнейший приказ.

Повинуясь приказу могущественного правителя Мамаю, снималось степное воинство. Щетинилась сотнями тысяч копий Золотая Орда. Набухали тяжелыми стрелами колчаны. Облака пыли, вздымаемые ордынской конницей, предвестниками грядущих пожаров застилали небо.

Беда, от которой полтора столетия страдали русские земли, вновь поднимала голову. И целилась ныне в молодое сердце Руси – Москву.

Глава 2 Прерванный пир

Над Москвой прошел дождь. Веселый, теплый. Прибил пыль на улицах. Омыл листву деревьев. Ребятишек повеселил.

Вылезли на завалинки старики и старухи – кости погреть. Бабы и девки толпились у колодцев, гремели бадьями-ведрами, новости слушали-рассказывали. В рукава фыркали, давились смехом. Молодое дело!

День воскресный. Людны, шумны, пестры и веселы московские улицы-переулки и площади. Куда ни глянь, трава водяными каплями, словно драгоценными камнями, играет-переливается на солнышке. Над избами от соломенных жухлых крыш – пар.

Хорошо!

За белокаменными кремлевскими стенами в великокняжеских хоромах тоже празднично. В просторной светлой гриднице, палате для многолюдных пиров, великий князь Дмитрий Иванович* чествует важного гостя. Столы ломятся от добрых обильных яств. Алая камчатная* скатерть уставлена тяжелыми серебряными блюдами, серебряными и золотыми кубками. Во главе стола – сам грузный телом великий князь. Справа и слева от него в ряд ближние люди.

Потчует князь Дмитрий гостей едой и винами. Песнями тешит, жалуется.

Сивобородый старик с острыми глазами под редкими седыми бровями стоит в дальнем углу гридницы. Под звуки трехструнного гудка* поет-рассказывает о стародавних временах, о Русской земле.

Внемлют ему в тишине. Кубок не звякнет. Лавка не скрипнет. Голос у старика сильный и гибкий. То рокошет густым церковным колоколом, то пастушьим рожком поет, то заливается свирелью.

Торжественно и неторопливо выговаривает старец:

О светло-светлая
и прекрасно украшенная
земля Русская!
И многими красотами
преисполненная:
озерами многими,
реками и источниками
месточестными.
Горами крутыми,

холмами высокими,
дубравами чистыми,
полями дивными,
зверями различными,
птицами бесчисленными,
городами великими,
селами дивными,
садами обильными,
домами церковными
и князьями грозными,
боярами честными,
вельможами многими —
всем ты наполнена, земля Русская —
православная вера христианская!

Далее вел старик повествование о былом могуществе Русской земли и о том, как пришли на нее черной тучей поработители.

Великий князь слушал не впервой сие слово о гибели земли Русской. Но оно каждый раз повергало его в печаль.

Верно: прекрасна и богата Русь. Да схожа с лоскутным одеялом. Составлена из многих земель-княжеств. А правильнее сказать – на них разделена. На землях тех – князья. Ино дружат между собой. Чаще враждуют. Норовят силой и хитростью отнять друг у друга власть. А с нею землю и людишек, что на ней живут и дают великий прибыток.

Испокон веков велось так. И – ох как часто! – оборачивалось лихой бедой.

С первой встречи-битвы с Ордой на реке Калке в 1223 году княжеские междоусобицы губят, обессиливают Русь перед монголами. Дед его, Дмитрия Ивановича, московский князь Иван Данилович, прозванный Калитой*, много потрудился для объединения русских земель. Дело Калиты продолжает он, великий князь Дмитрий. Легко ли это? Видит Бог – нет! Исполнилось ему всего девять лет, когда помер отец Иван Иванович, прозванный Красным*. Отца ему заменил митрополит Алексей, воспитавший юношу мудрым не по годам и благочестивым. В двенадцать лет отправился Дмитрий в свой первый поход. Оспоривал у него право на великое княжение князь суздальско-нижегородский.

С той поры до сегодняшней едва ли один год обходился без похода, без сражения и опасностей. Но нуждалась родная земля в силе и единении. И великий князь, ровно старательный и терпеливый кузнец, ковал будущее могущество не Московского только – всего Русского государства.

Даже беды умел обращать на пользу. Часто горела Москва, как всякий город, сплошь строенный из дерева. Случился при нем пожар небывалый, ставший известным под названием великого пожара Всесвятского, ибо начался с церкви Всех Святых в Кремле. Выгорела дотла Москва. Сгорели и деревянные крепостные стены, защищавшие ее от врага.

«Довольно, – молвил тогда Дмитрий, – будем возводить Кремль каменный». И с благословения митрополита Алексея весной 1367 года был заложен первый каменный Кремль.

Об этом вспоминал великий князь, слушая старца-гудца. И о том думал, сколь часто приходилось ему мечом смирать собратьев-князей, проливать русскую кровь. И это в пору, когда родную землю и русский народ терзали иноплеменники, алчные и беспощадные золотоордынские ханы.

Окончил старик свою песню. Перебрал узловатыми пальцами струны гудка. Растаял, угас последний заунывный звук. Тихо стало. Никто не решался говорить первым. Ждали велико-

княжеского слова. А великий князь был столь глубоко погружен в свои думы, что не сразу заметил наступившее молчание.

Дело поправил боярин Михайло Андреевич Бренк, любимец князя, товарищ его детских игр.

– Эва, старче! – воскликнул. – Такую грусть-печаль навеял, что мы про Вожу чуток бы и забыли. А ведь позади она, Вожа-то!

Оживились, облегченно заговорили гости. Великий князь тряхнул головой.

– Впрямь, приуныли чрезмерно...

Услужливый вельможа подхватил:

– Кто старое помянет, тому глаз вон!

Дмитрий Иванович лесть отверг:

– А кто забудет, тому, сказывают, – два!

Однако переменялся застольный разговор.

И то правда, велика была победа на реке Воже, беспримерна.

С Батыева нашествия, с 1237 года, лежала под игом Русь. Почитай, полтора столетия! Малый ли срок?

Поднимались русские люди, чаще городские низы, против окаянных порабощителей. Да всякий раз большой кровью платили за мятеж. Золотоордынские ханы жестоко подавляли восстания. И, горько признаваться, их помощниками подчас оказывались русские князья и бояре. Но сказано же: из песни слова не выкинешь, будь она веселой или печальной до слез. Так и тут. Что было, то было.

Однако копили силы московские князья. Два года назад донесли Дмитрию: Мамай послал воинство во главе с мурзой Бегичем против Москвы.

«Хватит! – сказал великий князь. – Сколько можно терпеть?»

И во главе своих полков стремительно выступил навстречу врагу. Сошлись в Рязанской земле, на реке Воже. По правому берегу стали войска монгольских ханов, по левому – русские. Оторопел мурза Бегич, пораженный внезапным появлением русского войска. Топтались ордынцы на месте несколько дней. Однако срамно идти без боя обратно. Одиннадцатого августа, переправившись через Вожу, бросились на русских. Со свистом и криками. Впервой ли?

Не вышло, однако, легкой победы, каких множество случалось прежде. И вовсе никакой победы не вышло.

Тремя полками ударили русские. Большим – в лоб вражеской коннице. Вел его сам великий князь Дмитрий Иванович. Другими двумя – правой и левой руки – с боков, в обхват.

Смешались Мамаевы всадники. Повернули вспять. Великое множество их полегло под русскими саблями, было поколото копьями, утонуло в реке.

Достались Дмитриевым воинам большая слава и изрядная корысть. Все побросали Мамаевы воины. И юрты свои, и кибитки*. Пять ордынских мурз, включая Бегича, простились с жизнью на реке Воже. Меньшими были потери в московском войске. Пали храброй смертью двое воевод: Дмитрий Монастырев и Назар Данилов-Кусаков. С ними рядовые воины. И тот белобрысый, коего загубил хитростью Тангул.

В мгновение ока – быстрее, чем на птичьих крыльях, – разнеслось по русским и иным землям: «Мамаевы воины показали московскому князю Дмитрию хребты-спины! Бежали, оставив победителям пожитки и награбленное добро!»

То-то была благая весть!

Ослепленный яростью, кинулся Мамай в русские пределы. Первой на пути лежала Рязанская земля. Великий князь рязанский Олег не оказал и малого сопротивления. Поспешно бежал за Оку, бросив на произвол судьбы свой стольный град Переяславль-Рязанский. Мамай без жалости прошелся по рязанским землям огнем и мечом, «много зла, – как горестно записал летописец, – сотвориша». Оттуда повернул, однако, обратно.

«Убоялся!» – решили все. И были правы.

Потому и оживились гости за великокняжеским столом, когда боярин Михайло Андреевич Бренк помянул Вожу.

Было ли прежде такое, чтобы русское войско в поле одолело ордынское? Нет! А теперь стало!

Потек после Брейковых слов пир чередой светлой, хотя и чинной. Великий князь московский любил обильное застолье. Однако берег свое достоинство. Сам хмельное принимал в меру. И от других требовал того же.

На княжеском подворье – иное. Торжественности менее, веселья более. От великокняжеского пиршественного стола много чего остается. Со знатным избытком готовят приставленные к тому челядины*. Али пропадать добру?

Средь великокняжеских воев² в людской – молодой гудец, младший товарищ того, что развлекал-тешил великого князя и его гостей.

Поговору сразу признали – рязанец. А коль скоро между Рязанью и Москвой давнее соперничество, принялись московские тому гудцу показывать доблесть, удаль и силу.

Проворный Вася Тупик – ростом невелик, сух и словно бес подвижен, в алой рубахе, алой шапке и таких же сапогах, огонь чистый! – приступился к гудцу с веревкой.

– Ты, парень, меня вяжи! Вяжи!

Отказывался гудец:

– Пошто я тя вязать буду? Без вины-то...

Третий мужик, что странствовал со стариком гудцом, именем-прозвищем Хряк, росту огромного, с рыжей головой и бородой, прикончивши шестую по счету посудину пенистого пива, рек густым басом:

– Чего суетишься, красивый! Будто страшнее кошки зверя нет. Дай-кася веревку мне!

Бориска, тринадцатилетний парень, верная Васина тень, дернул друга за алый подол:

– Отступись...

Вася шалыми глазами повел.

– У вас в Рязани, сказывают, пироги с глазами: их едят, а они глядят. Потрудись, сердешный. Мы тоже посмотрим!

Хряк веревку взял. Со вниманием обследовал, нет ли подвоха. Спросил:

– Спорим на что? Али так?

– Так!

Злорадной улыбкой расплылся Хряк.

– По мне, и так ладно! Дозволь только досмотр малый...

И без спросу привычными, должно, руками по одежке – шась!

² Вби – воины.

Лег на стол нож, что висел у пояса. И второй, о коем даже Бориска не ведал, Хряк выдернул из-за голенища Васиного сапога.

– Теперь, хороший, изволь назад рученьки!

Дивной выходила потеха! А для самого Васи лихая. Вместе с Бориской другие Васины приятели пожалели, что связался тот в веселом духе с чужаком.

– Али передумал?

– Я, милоч, думаю однажды. Зато крепко! – ответствовал Вася Тупик, приметно, однако, изменившись в лице. – Ты повяжи меня, с остальными выйдешь потом из людской.

– Как прикажешь, родненький! – молвил чужак. И наложил на Васины руки веревку.

В безмолвии глядели великокняжеские вой на то, как рыжий рязанец вязал Васю Тупика. Сноровисто вязал. С великой силой. Свекольным цветом залились оба от натуги.

Андрюха, прозвищем Волосатый, не стерпел, сказал с угрозой:

– Ты бы, товарищ, по легче!..

Зыркнул на него свирепо Вася Тупик. Отступил Андрюха с видимой досадой.

Закончил дело рыжий. На Васю без улыбки поглядел:

– Надо бы рот заткнуть, да уж ладно. Едва ли тебе зубы помогут...

И, руки отряхнувши, первым вышел из людской. За ним гуртом и молча – остальные.

Бориска видел: губы прикусил от боли Вася. Славно потрудился Хряк! Запнулся Бориска было на пороге, но Вася прохрипел гневно:

– Иди! Чего стал?!

Покинул людскую последним Бориска. Бережно прикрыл дверь. Стоял теперь чужак промеж великокняжеских воев без прежней уверенности. Должно, хмель сходил. Чувал: далече зашла шутка. Да на попятную охота ли идти?

Тянулось время, ровно дряхлая кляча, медленно. Мрачнели на глазах мужики. И когда ожидание сделалось вовсе тягостным, открылась дверь, и из людской, разминая руки и кривясь от боли, вышел Вася Тупик.

Кажись, рыжий Хряк обрадовался более всех.

– Твоя взяла!

Руку протянул: мировая, мол!

Вася свою отвел назад. Сказал сумрачно:

– Счастье твое, парень, вроде как гость ты на великокняжеском подворье.

Андрюха Волосатый норовом был круче Васи. Чужака, кажись, легонько тронул по шее ниже затылка ребром ладони. Да, похоже, знал куда. Повалился навзничь свиной тушей Хряк. Глаза закатил.

Андрюха глумливо подал руку.

– Прости, веселый человек! Чужие шутки уважаем. Однако и свои держим про запас...

Вася на друга рявкнул цепным кобелем:

– Зачем? Уговор был!

– А человека калечить – тоже уговор?!

– То уж от совести...

– От дурости! – подал сердитый голос Родион Ржевский, начальник Васи Тупика и сотни воев. – А может, от чего похуже...

Пришлось бы рыжему Хряку давать ответ. Да грянули события поважнее.

Через Константино-Еленинские ворота* Кремля влетел всадник.

Без шапки – видать, потерял дорогой, – в распахнутом чекмене*. С лицом, серым от пыли. Исступленно охаживал он плетью загнанного храпящего коня. Шарахнулся люд в разные стороны. Великокняжеская стража кинулась было преградить путь. И тогда по стражникам загуляла витая ременная плеть. Иные схватились за сабли. Кто-то лук выхватил и, приложив стрелу, рывком натянул тетиву. Худо пришлось бы всаднику, да Родион Ржевский закричал во всю глотку:

– Стойте, ребята! Это ж свой! Андрюшка Попов из степной сторожи*.

А тот – прямо к великокняжеским палатам. На ходу скатился с коня и в пыльных сапогах, расхристанный, минув оторопелых слуг, – в трапезную, где пировал великий князь.

Распахнул наотмашь дверь, перевел дух.

Князь Дмитрий поднялся в гневном изумлении:

– Ополоумел, чадо? Или хлев здесь?!

– Государь Дмитрий Иванович, беда! Идет на тебя и на Русскую землю хан Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне он на реке Воронеже...

Великий князь, должно, всего ожидал, только не такой вести, – кубок, что в руке держал, о стол грохнул.

– Ну, окаянные! Мало им Бегича! Недостало Вожи! Ужо устроим пир вам – без медов и сладкого пива!

Повскакали гости и ближние князю люди. Шумно сделалось. Степного вестника – на разрыв: что да как? Верные ли сведения? Кто с Мамаем еще? Много ли собрал войска?

Ночью князь, как говорит автор древней повести, «став пред святою иконою Господня образа и упав на колени свои, стал молиться». А окончив долгую слезную молитву, сказал князь Дмитрий: «На Господа уповал – и не погибну». Едва рассвело, князь Дмитрий сам вышел к воинам и напутствие закончил так:

– Без «языка», други, не возвращайтесь. Бог в помощь вам! И надобно все устроить быстро, без промедления!

На следующее утро из Москвы по Коломенской дороге скакал отряд-сторожа во главе с Родионом Ржевским. Было в нем семьдесят девять крепких юношей. И среди них Василий Тупик с Бориской. Путь лежал к притоку Дона – реке Быстрой Сосне, а там надо выполнить наказ – разведать Мамаевы силы и обязательно добыть «языка». Важного. Кого-нибудь из Мамаевых придворных, досконально знающего военные планы Золотой Орды и тайные помыслы ее правителя.

Спорой рысью, вздымая пыль, двинулись всадники.

Кабы страшились одного княжьего гнева. Нет, разумели: судьба земли Русской, жизнь родных и близких зависят сейчас от них, от их смелости, умения и сноровки.

Ордынский вельможа, что был надобен, не курица. Ухватишь ли голыми руками? Держит подле себя надежную, крепкую охрану. Потому задача и для бывалых воинов была тяжеленька. Понимал всякий, – исключая, может, Бориску, – что голову тут куда легче сложить, чем сладить дело.

Глава 3. Мамай

Благодатны южнорусские степи.

Два человека неторопливо беседуют о них, сидя на мягком персидском ковре за изысканной трапезой.

Царевич Бадык-оглан благодарит наклоном головы хозяина и продолжает прерванную речь:

– Во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих...

Его собеседник – всемогущий правитель Золотой Орды Мамай – напряженно морщит лоб, пытаясь вспомнить, кто ранее говорил это.

Царевич после небольшой, вполне приличной паузы заканчивает:

– Так сказал о них мой пращур, славный и благородный хан Джучи*, сын великого Чингисхана.

«Ну конечно! – мысленно выбрал себя Мамай. – Как я мог забыть?» И с глубины души поднялась глухая привычная злоба: щенок, сопливый мальчишка, подчеркивал свое превосходство! Он, видите ли, чингисид! Один из потомков основателя империи. И будь этот Бадык-оглан, отпрыск знатного рода, тупее самого глупого барана, а он, Мамай, умнее всех мудрецов, вместе взятых, все равно между ними будет лежать бездонная пропасть. Преимущества, полученные при рождении, оказываются важнее и выше любых личных достоинств и совершенств. Справедлив ли мир?

Чингисхан велик. Но чем? Собственными заслугами! Его отец, Есугей-багатур*, даже не был ханом, а лишь предводителем племен, кият-борджгинов, и, быть может, двух или трех других.

Почему же должна великая тень преграждать дорогу живым? Разве этот холеный, избалованный царевич – будущее Золотой Орды? Он, Мамай, – нынешний правитель, он, темник, – истинный продолжатель Чингисханова дела!

Так он думал, но, разумеется, не говорил вслух собеседнику. И на губах его теплилась вежливая улыбка.

Заговорили о начинавшемся походе.

– Князь Дмитрий, – по-волчьи оскалил зубы Мамай, – забыл свое место. Запомню, из чьих рук получил ярлык* на великое княжение. Мы ему напомним. И походы прежних ханов покажутся русам невинными забавами...

До сих пор Мамай говорил вполголоса, сдерживая ярость. Но тут сорвался. Вскочил с ковра, рванул с пояса усыпанный драгоценными камнями кинжал – так что Бадык-оглан отшатнулся в страхе – и заметался по шатру, выкрикивая:

– Я не Бегиш! Я с Дмитрия спущу шкуру! Живьем сварю в котле и мясо отдам собакам! Псам скормлю ублюдков-сыновей! Именем моим оставшиеся в живых русы будут пугать своих детей...

Совладав с собой, Мамай опустился на ковер, сунул кинжал в ножны. Сперва было пожалел о своей несдержанности. Однако, заметив испуг в глазах чингисида, усмехнулся про себя: ничего, сосунку полезно лишний раз убедиться, с кем он имеет дело.

– Прошу извинить... – улыбнулся одними губами. – Кушайте...

– О-о, этот поход долго будет памятен русам! – Царевич оживился, обрадованный тем, что вспышка Мамаева гнева благополучно миновала. – Меч Аллаха жестоко покарает неверных за послушание!

После нескольких общих фраз речь пошла о плане похода. И тут Мамай подумал, что Бадык-оглан, пожалуй, может быть ему полезен. Беседа потекла оживленнее, без пышных слов, по делу.

Заключался союз двух хищников, выходящих на большую охоту. Союз, выгодный сейчас обоим. Но один из хищников, Мамай, был много сильнее и опытнее другого. И оба это знали и помнили.

Вызов к правителю всегда мог предвещать беду. С тяжелым сердцем каждый раз ехал Бадык-оглан в ставку Мамаю. Похоже, сегодня опасность позади. Но царевич знал: в любой день при выходе из шатра правителя Золотой Орды может наткнуться на кинжал. И сейчас, простившись с всемогущим хозяином, помимо желания втянул голову в плечи, боясь предательского удара. Однако – слава Аллаху! – на сей раз обошлось. А как-то случится в следующий?

С первых походов его могущественного пращура Чингисхана минуло более полутора веков. Он и его ближайшие преемники огнем и мечом покорили бесчисленные народы, а иные полностью уничтожили. Войска хана Вату, одного из внуков Чингисхана, произвели страшные опустошения русских земель.

После смерти Чингисхана огромная империя стала распадаться. Начало было положено им самим, когда он дал своим сыновьям в правление отдельные обширные земли. Так выделился улус*, подвластный его старшему сыну, Джучи, – область, простиравшаяся от Иртыша до Урала и далее на запад. Многие жившие там народы еще предстояло покорить. Это сделал сын Джучи, хан Вату, или, как его именовали на Руси, Батый. Улус Джучи у русских и получил название Золотая Орда.

Чем далее, тем больше дробилась империя Чингисхана. Все большее число правителей враждовало друг с другом. Сыновья убивали отцов, братья – братьев. Золотая Орда оказалась разделенной на две части. На левом берегу Итили (Волги) остался хан Мюрид. Власть по правому берегу находилась в руках темника Мамаю, который по своей воле передвигал ханов, словно пешки в шахматной игре. Разве возможно предсказать, кто будет в ней очередной жертвой?

Оттого Бадык-оглан из рода Чингисхана и опасался за свою жизнь. Только представителям этого рода могла принадлежать высшая власть в Орде. Мамай явно стремился нарушить установленный порядок и провозгласить себя, не будучи чингисидом, ханом. Уже были отчеканены монеты, на которых он так титуловался. Самые близкие и верные люди и многие иноземцы величали Мамаю, с его молчаливого согласия, «светлым ханом». Понятно, Мамай втайне боялся, а поэтому ненавидел потомков великого завоевателя. А они ненавидели и боялись его. Вот так-то шла теперь жизнь в Золотой Орде!

Об этом, окруженный преданной стражей, размышлял Бадык-оглан, выезжая из ставки правителя. О том же, но по-другому – Мамай.

Когда после ухода царевича, почтительно согнувшись, в шатер вошел верный Алтанбек, Мамай спросил:

– Как чувствуют себя наши друзья?

Это был своего рода пароль, тайное слово. «Нашими друзьями» среди самых надежных приближенных Мамай называл чингисидов.

– Милостью Аллаха, все спокойно, – ответил Алтанбек, читая, как в открытой книге, мысли и беспокойства, обуревавшие его господина. – Они тайно злобятся на вас. Но и только. Пока вы сильны – а это, волею Аллаха, будет всегда, – они лишь мелкие завистливые недоброжелатели, которые рады погреть руки на ваших успехах. Предстоящий поход обещает богатую добычу. Поэтому они с вами. Они всегда с тем, у кого в юрте серебряное блюдо с жирной бараниной.

Мамай одобрительно склонил голову. Верно говорит Алтанбек. Всё так. Пока сопутствует успех, все с ним. А если судьба переменится? Об этом лучше не думать! Он сильнее царевичей с их чванливой гордостью своей благородной голубой кровью, которая, кстати, – он в этом убедился, – имеет тот же цвет, что и кровь последнего из беднейших пастухов. Но поход на Дмитрия московского должен быть успешным. Любой ценой! Иначе его разорвут в клочья, как ослабевшего вожака-волка рвут крепкозубые собратья. Поход на Русь, на Дмитрия – это не только добыча богатств и приведение в покорность русских. Это вопрос собственной власти в Орде. Самой его жизни. Уж кто-кто, а он прекрасно знает! Стало быть, берегись, князь Дмитрий! Берегитесь, русские! Слишком много поставлено на карту, чтобы он, Мамай, мог упустить победу!

После разгрома Бегича Мамай сгоряча, набегом разорил окраинные русские земли. Но быстро, как часто бывало, укротил первый гнев. Правитель Золотой Орды понимал: не набег нужен – великий поход-нашествие, подобный прежним, кои до сих пор с ужасом вспоминают на Руси. А может быть, и превосходящий их силой и жестокостью.

И Мамай принялся тщательно готовиться к такому походу.

Он собрал огромное войско монголо-татар, к которому присоединились войска подвластных народов, наемные иноземные отряды.

Одновременно против Руси должен был выступить великий князь литовский Ягайло*. Отец Ягайлы – Ольгерд* много раз ходил на Москву. Безуспешно. Теперь сын надеется с помощью такого могущественного союзника, как Орда, отхватить себе кусок русских земель. Что достанется Ягайле – о том речь впереди. И решать будет он, Мамай. А пока помощь и участие в походе великого князя литовского чрезвычайно важны.

И это не всё. Мамай приготовил князю Дмитрию удар в спину. Испокон веков монгольские ханы вели свои дела, применяя древний испытанный способ: разделяй и властвуй! Часто им удавалось сталкивать лбами правителей и вождей того или иного народа и тем одерживать победы. И сейчас в стане русских князей он нашел человека, готового пролить русскую кровь. Им был великий князь рязанский Олег Иванович*. Издавна рязанские князья соперничали с московскими. Многократно схватывались на поле брани. Теперь наступил решающий час. Честолюбивый Олег рязанский дал согласие идти с Мамаем на Москву. Бить русских русскими же! Худо ли?

Алтанбек почтительно доложил хану о новостях. С тонкой улыбкой закончил:

– Доносят, что великий князь Олег и великий князь Ягайло уже поделили между собой русские земли, решили, кому где править.

Рассмеялся Мамай, как позволял себе смеяться только в присутствии самых близких и преданных вельмож.

– Это они преждевременно! Воистину, когда милосердный Аллах захочет наказать человека, он отнимает у него разум. Будущим, с его милостивого позволения, мы распорядимся сами. Равно как и русскими землями, включая рязанские!

Алтанбек сдержанно, насколько позволяло присутствие владыки, засмеялся тоже. И, желая доставить еще большее удовольствие Мамаю, добавил:

– Доносят, они надеются, что при одном известии о начале вашего похода князь Дмитрий бросит Москву и убежит, спасаясь, в свои далекие северные земли...

Мамай, вопреки ожиданиям приближенного, сделался серьезным.

– Это тоже преждевременно. Русские говорят, и вполне справедливо: не следует делить шкуру неубитого медведя. А князь Дмитрий пока еще жив и потому опасен!

Алтанбек склонился в низком поклоне:

– Мудрость ваша беспредельна! Легкомысленны русские!

Но и эти слова возымели обратное действие. Мамай нахмурился:

– К сожалению, уважаемый Алтанбек, не все.

И тут, к крайней досаде Алтанбека, в шатер, подобострастно кланяясь, вступил Абдул-Керим, льстивый наперсник Мамаю, давний соперник Алтанбека.

– Светлый хан, важные вести!

Мамай вопросительно посмотрел на Абдул-Керима.

– Русский перебежчик, – склонился до земли Абдул-Керим. – Просит допустить к вам.

– Допрашивали?

– Твердит: все скажу светлому хану.

Мамай заколебался.

– Оружие было?

– Нож.

– Введи!

Ах как изумились бы Бориска, Василий Тупик и иные люди великого князя Дмитрия Ивановича, кабы были поблизости. Их недолгий гость-знакомец, рыжий рязанец, именем-прозвищем Гришка Хряк, почти на животе вполз в шатер правителя Золотой Орды.

– Говори! – через толмача-переводчика приказал Мамай. – Коротко!

Гришка преданно уставился маленькими заплывшими глазками в лицо Мамаю.

– С подворья улусника твоего и холопа ослушного князя московского Дмитрия прибежал! – единым духом выпалил заранее приготовленные слова.

Теперь без раздражения, с живейшим интересом смотрел на жирного руса владыка Орды.

– Продолжай!

Вздыхнул облегченно Гришка Хряк.

– Послан был с товарищем на Москву князем нашим, Олегом Ивановичем рязанским, дабы разведать, что там и как...

Перевел толмач. Гришка помедлил чуть. Вдруг спросит что правитель? Не дождавшись, продолжил поспешно, хитря маленько:

– Товарищ направился обратно в Переяславль, Олегов стольный град. А я – к тебе. Подумал: удостоишь милости.

Под холодным взглядом правителя торопливо выложил:

– Сторожа в твою сторону выехала вчерась из Москвы. Сам князь Дмитрий, как узнал, что ты на него идешь, послал. Велено от тебя близкого человека поймать и привезть. Я тех ребят многих и начальника ихнего знаю в лицо...

– Сколько их?

– Семьдесят девять.

Правитель презрительно усмехнулся, искоса наблюдая за перебежчиком.

– Шутишь глупо! Что могут они против моего войска?

– Против войска, светлый хан, ничего. Да оно им без надобности. А вот ближнего твоего какого скрадут – проще простого...

– По пустяку потревожил!

Мамай сделал вид, будто потерял интерес к перебежчику.

Гришка Хряк испуганно затрясся.

– Я те все про московский великокняжеский двор скажу... Сделаю, что прикажешь...

Ордынский владыка думал.

Отряд в восемьдесят человек – мелочь. Но то, что перебежчик многих знает в лицо, весьма ценно. Одним этим уже надобен.

Есть и другое: представляется случай заслать своего человека к Олегу рязанскому, велеречивому и хитрому.

А пожалуй, есть и третье, в чем сгодится перебежчик. Поп, что шел в позапрошлом году с ядовитыми травами, готовя гибель князю Дмитрию, попался. Быть может, попытаться еще раз? Самое время!

Найдя, что русский достаточно натерпелся страху, правитель милостиво обронил:

– Хорошо. Я подумаю.

И кинул кожаный мешочек с серебряными монетами, один из тех, что всегда держал подле себя, дабы оплачивать наличными услугами нужных людей. Мамай давно считал: в одной руке следует держать кнут, в другой – пряник.

Масленным блином расплылась Гришкина рожа. Пополз к Мамаеву сапогу.

- Светлый хан! Да продлятся годы твои...
- Отпустив перебежчика, Мамай приказал безмолвно стоявшим приближенным:
- Передать всем: усилить охрану! Особенно ночью. Русские вedomцы-разведчики вышли на охоту. Это серьезно! Рыжего руса завтра утром – ко мне!
- Будет исполнено, светлый хан!
- Пятясь и низко кланяясь, придворные, избегая смотреть друг на друга, покинули шатер.

Глава 4

Крепкие юноши

До Коломны ехали знакомой дорогой. Была Коломна прежде городом рязанским, о котором спорили князья московский и рязанский. Ныне же принадлежала Москве. В Коломне венчался великий князь Дмитрий Иванович с княжной Евдокией.

Ехали вборзе – скоро, нигде подолгу не останавливаясь. Переправились через Оку. Родион Ржевский велел:

– Теперь потише, ребята! Русская земля, да вроде бы чужая. Чего доброго, с людьми Олега Ивановича повстречаемся.

Вооруженный отряд не хворостинка в лесу – приметен издали. В деревнях спрашивали:

– Чьи вы?

Отвечали:

– Княжьи! Чьи ж еще?

– Князя-то какого?

Отшучивались:

– Нашего! Какого ж другого?

А какого – умалчивали.

Мужики в деревнях бороды скребли:

– Ловки больно!

– Мы простые! – откликнулся Вася Тупик. – Хлебушка подай, а разжужем и сами!

Осторожно закидывали удочку:

– Про Мамаю слышать?

– Сохрани Господь! – испуганно крестились мужики. – Будто нет!

Пестро были одеты Родион с товарищами. При разном оружии. Кому что ладнее и способнее. Кто при сабле или луке. Которые с тем и другим. Все, однако, с ножами: иные с нашими, московской работы, иные с нарядными черкесскими кинжалами. Разве угадаешь, чьи люди, какого князя? Едут мимо, не обижают – и на том спасибо.

– Хмурые мужички... – заметил Бориска. – Опасливые.

– С чего быть другими? – отозвался Вася Тупик. – Обжегшись на молоке, дуют на воду.

– Верно, – согласился Васильев дружок, по шутливому прозвищу Васятка Маленький, росту громадного, силы медвежьей. – Бабка моя из здешних мест. Примется, бывало, сказывать про старину, первую татарщину, у нас, беспечных ребяташек, руки-ноги цепенели со страху. Божьим попущением Рязань из всех русских земель первую разорили татары. Тому теперь, поди, полтора века. А спроси здесь – всякий поведает. Будто сам при том был. Ведь что тогда

получилось? – продолжал словоохотливый Васятка, заметив, что вместе с Бориской и Василием Тупиком его слушают и другие. – Подступил к Рязанской земле Чингисханов внук, хан Батыга. Со всем своим неисчислимым воинством. Отправил послов к тогдашнему великому князю рязанскому Юрию Игоревичу. «Отдайте, – говорит, – десятую долю со всего, что имеете: добра, денег, людей, коней». Созвал на совет Юрий Игоревич ближних князей. И решили ответить так: «Когда нас в живых не останется, тогда все будет вашим. А пока – шиш вам вместо добра, лошадей да людей!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.